

Научная статья

УДК 130.2; 124.5

doi: 10.47475/1994-2796-2023-474-4-78-84

ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ БИДЕРМЕЙЕРА И ЕЁ ХАМЕЛЕОНОВСКИЙ ХАРАКТЕР

Любовь Николаевна Шабатура¹, Оксана Юрьевна Костко²

^{1,2} Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

¹ Inshabatura@mail.ru, ORCID 0000-0001-9426-9614

² oksandra-muz@mail.ru, ORCID 0009-0005-5203-7926

Аннотация. Анализируется культура бидермейера как транслятор «хамелеоновского характера», что позволяет выделить его как особый феномен в социодинамике культур. Обобщается и уточняется его сущность, причины его формирования, субъект-объектные отношения в философии культуры бидермейера, проводится аналогия между философскими идеями и формированием духовно-нравственных основ филистера, влияние на которые оказывают традиционные, вечные, патриархальные ценности, а также сложившиеся политические и социально-экономические условия. В статье акцентируется внимание на моменте изменения ценностных иерархических структур, когда порождаются новые смыслы, новые семантические комбинации, которые постепенно проникают в культурный код, а затем укореняются и утверждаются в культуре. Актуальность данной работы связана с онтологической, аксиологической и гносеологической ценностью культуры бидермейера, постулируется наличие в ней философской содержательности, отражающей её антропологическую и социокультурную сущность в контексте общих закономерностей развития культур.

Ключевые слова: бидермейер, хамелеоновский характер, культура, ценности, социодинамика, частный человек

Для цитирования: Шабатура Л. Н., Костко О. Ю. Феномен культуры бидермейера и её хамелеоновский характер // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 4 (474). С. 78–84. doi: 10.47475/1994-2796-2023-474-4-78-84

Original article

THE PHENOMENON OF BIEDERMEIER CULTURE AND ITS CHAMELEONIC CHARACTER

Lyubov N. Shabatura¹, Oksana Yu. Costco²

^{1,2} Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

¹ Inshabatura@mail.ru, ORCID 0000-0001-9426-9614

² oksandra-muz@mail.ru, ORCID 0009-0005-5203-7926

Abstract. The article analyzes the Biedermeier culture as a translator of the «chameleon character», which makes it possible to single it out as a special phenomenon in the sociodynamics of cultures. It generalizes and clarifies its essence, the reasons for its formation, subject-object relations in the Biedermeier philosophy of culture, an analogy is drawn between philosophical ideas and the formation of the spiritual and moral foundations of the philistine, which are influenced by traditional, eternal, patriarchal values, as well as established political and social economic conditions. The article focuses on the moment of change in value hierarchical structures, when new meanings, new semantic combinations are generated, which gradually penetrate the cultural code, and then take root and become established in the culture. The relevance of this work is connected with the ontological, axiological and epistemological value of the Biedermeier culture, the presence of philosophical content in it, reflecting its anthropological and sociocultural essence in the context of the general laws of development of cultures, is postulated.

Keywords: Biedermeier, chameleon character, culture, values, sociodynamics, private person

For citation: Shabatura LN, Costco OYu. The phenomenon of Biedermeier culture and its chameleonic character. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(4(474):78-84. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-474-4-78-84

Бидермейер: термин — понятие — феномен культуры

Слово «бидермейер» появляется в литературе благодаря творчеству поэтов Л. Эйхродта и А. Кусмауля, которые под рубрикой вымышленного автора — Готтлиба Бидермейера — в журнале «*Fliegende Blätter*» г. Мюнхена печатали стихи, прославляющие тихие радости скромной, спокойной, обывательской жизни. Период стабильности после наполеоновских нашествий формирует особый тип мировоззрения частного человека, ориентированного на личный комфорт. Широкое распространение бидермейер получил в Германии, Австрии, Дании, Норвегии, Швеции, Венгрии, Румынии, Словении, Словакии, Чехии, Хорватии, Польше и Англии и частично в России, но среди «немецкоговорящих» стран он проявился особенно ярко, определяя стиль жизни и характер эпохи. Вначале данный персонаж, Бидерман, был представлен в основном как сельский житель, консервативный, сентиментальный, незадачливый и в то же время честный и благодушный, склонный к простоте, прагматизму, спокойствию и уюту, вызывающий у читателей юмор, сарказм, откровенные насмешки и даже порой негативную коннотацию. Не случайно позже, а именно в 1869 г. выходит книга «*Biedermeiers Lidlust*» с подзаголовком «Лирические карикатуры». Однако уже к этому времени данный личностный образ ассоциируется в общественном сознании немцев с образом бюргера, который затем вписывается в контекст исторического времени, представляя вначале конкретного героя как типичный собирательный образ, затем как стиль, реализованный в синтезе искусств, и, наконец, трансформируется в устойчивое социокультурное явление, охватившее литературу, историю, философию, прикладное искусство, живопись, интерьер, архитектуру, быт, смыслообразование и мировоззрение. Эволюцию «от частного к общему» подтверждает в своих работах кандидат философских наук Е. Р. Иванова: «С началом XX в. продолжает своё дальнейшее развитие слово (но пока ещё не термин) “бидермейер”, утвердившись сначала как наименование стиля мебели и интерьера, затем — живописи и прикладного искусства и, наконец, эпохи и литературы» [1. С. 167]. Хронологические рамки 1815–1848 гг. позволили определить границы

эпохи «между войной и революцией», но её глубинное осмысление, определение ценностей и оснований культуры перейдут в XXI столетие. Несколько по-другому представляет этот процесс на примере трансформационных изменений в литературе филолог, известный учёный-германист А. В. Михайлов. В своём культурологическом исследовании он акцентирует внимание на культуре мышления, культуре осмысления, понимания, влияющих на оценочные позиции применительно к бидермейеру:

«Однако в истории действует очевидность иного свойства, она предопределяет, как надо понимать те или иные явления литературы, полагает начало их осмыслению, после чего эти предопределённые “понимания” становятся уже материалом теоретического, непрерывного, непрекращающегося осмысления» [2. С. 26]. Проведя незначительную аналогию и гипотетико-дедуктивный подход, следует заключить, что это вполне закономерно и приемлемо к культуре, поскольку язык, литература, искусство, мировоззрение и стиль жизни являются культуuroобразующими её основаниями. К концу 1920-х гг. термин «бидермейер» приобретает иной — социокультурный статус: большинство исследователей не только из Германии (П. Клухон, В. Гейстмейер, Р. Крюгер и др.), Австрии, скандинавских стран, но и из России употребляли его для обозначения стиля и исторической эпохи. Впервые немецкий учёный Г. Понгс употребляет этот термин в отношении культуры, назвав свою статью: «Бюргерская культура бидермейера», и, реабилитируя термин, предлагает этот период называть «бюргерской классикой» (*Burgerklassik*) [3].

Объектом исследования данной статьи является феномен культуры бидермейера, охватывающий период с 1815 по 1848 г. Некоторые исследователи искусства и культуры отказывают ему в философском содержании, однако подобное утверждение не может быть бесспорным. Во-первых: в историко-временных и территориальных границах бидермейер совпадает с расцветом немецкой классической философии, когда писались научные труды Гегеля и Шеллинга, а Сёрен Кьеркегор хотя и был датчанином по происхождению, в своём творчестве наиболее приближен к сущностно-содержательным аспектам культуры бидермейера.

Во-вторых: философская рефлексия предполагает не только наличие разграничений, где по принципу «иное» немецкая классическая философия также взаимосвязана с данным феноменом, но и допускает свободу субъективной интерпретации, подобно позиции С. Кьеркегора — «Или-или», как и толерантности А. Шопенгауэра в стиле «И-и». Даже если на мировоззренческом уровне философия не оказывала на бидермейер непосредственного влияния, опосредованно, через жанровые приоритеты в литературе и искусстве, через высшие абсолютные ценности, то есть онтологически и аксиологически этот диффузный процесс происходил.

Особая атмосфера эпохи соразмерна представлению об «уютном человеке» — субъекте бидермейера, который именуется таковым не только по комфортной среде обитания, но и по умению адаптироваться в новой экономической ситуации, где протестантизм и баварское эпикурейство, гедонизм и умение довольствоваться малым образуют противоречивые и разнонаправленные векторы духовных, нравственных и житейских ориентиров. Таким образом, контраст между высокодуховным идеализмом и прагматичным бидермейером — рационализмом нивелируется за счёт «хамелеоновского характера» — ключевого для понимания феномена культуры бидермейера.

«Хамелеоновский характер» как опыт трансляции культуры

Истоки данной метафоры следует искать в античной философии, интерес к которой для классической немецкой философии являлся базовым (Кант, Фихте, Гегель). Аристотель, характеризуя субъекта-человека «хамелеоном и как бы шаткой постройкой» [4], приспособляющегося к любым превратностям судьбы, одним из первых отметил сходство поведения человека с хамелеоном, мимикрирующим под окружение. Устами своего героя Оскар Уайльд рассуждает на уже знакомые нам темы хамелеонства. Он видит Дориана Грея субъектом с миллиардом жизней и ощущений и уверенно заявляет: «Разве притворство — такой уж великий грех?» Таким образом, О. Уайльд оправдывает поступки и поведение субъекта и своего героя Дориана Грея, «постулируя целую теорию притворства» [5]. В этот момент открываются не только новые иерархические структуры ценностей, но и порождаются новые смыслы, новые семантические комбинации, которые постепенно проникают в культурный код, а затем укореняются и утверждаются.

Сегодня в рамках социальной психологии идёт речь о «социальных хамелеонах» — субъектах, для которых подобные качества служат гарантией успеха в сфере политики, юриспруденции, маркетинга и рекламы. По отношению к культуре данный термин употребляет историк искусства Д. Сарабьянов, отмечая присущий бидермейеру «хамелеоновский характер» [6]. Диалектический подход философии науки, допускающий «единство и борьбу противоположностей», сам по себе предполагает субъекта — «хамелеона», что метафизически ещё, в некоторой степени, принадлежит идеализму, пусть даже эволюционирующему от трансцендентального кантовского к абсолютному гегелевскому. Но в своём акте философствования, рассуждении о бытии он уже намечает пути к позитивизму и экзистенциализму, так как бытие уже смотрело «в темноту существования человека» [7. С. 120].

В социодинамике исторического развития Германии первой половины XIX в. представляла синкретическую, пёструю картину. Современный характер мозаичной культуры имеет с феноменом бидермейера любопытные совпадения. Однако они продиктованы не структурными качествами, а самим принципом составления целого из разрозненных элементов. «Многосоставная культура разных областей и земель Германии, доставшаяся в наследство от периода феодальной раздробленности, привела к тому, что страна напоминала при известной своей целостности некое пёстрое лоскутное одеяло [8. С. 16]. Берлин и Дюссельдорф, Мюнхен и Штутгарт, Гамбург и Дрезден — все имели некую индивидуальность при единстве основного, а иногда и магистрального вектора развития культуры, транслирующего общие ценности. Хамелеоновский, подражательный, мимикрирующий бидермейер становится стержневым, осевым направлением, и благодаря подобной полифоничности он преисполнен пресловутым поверхностным очарованием, нередко мешающим понять его неоднозначность и неоднородность. Эти качества данного феномена отражают не отсутствие внятной персонификации, чётких определений, форм, но и заимствований, которые носят не столько черты «традиционности», составляющих её глубинную сущность, сколько новообразования, реализующего и транслирующего свою ценностную систему как интегрирование в уже существующие, более «устойчивые» модели. Таким образом, феномен бидермейера обретает хрупкий баланс, сочетая чувственный и мистический дух культуры романтизма с раци-

ональностью классицизма, и уже в данном понимании можно говорить об особенностях культуры бидермейера. Поиски смыслов, адептов идеализма во многом обязаны бидермейеру, что, подобно мосту, соединил религиозность, отмеченную вторжениями просветительского атеизма с сентиментализмом в рамках немецкой классической философии — на тот момент самой прогрессивной и разноплановой, что в который раз подтверждает легитимацию культуры бидермейера, с её явным подстраиванием как к общественно-политическим условиям, так и к идеалистическим запросам общественного сознания. Необходимость объединяющей общенациональной идеи как гипотетически выстроенной модели целостной германской нации стала лейтмотивом в научных трудах Гегеля. Преодолеть мировоззренческие, культурные, социальные и религиозные барьеры смог хамелеоновский характер культуры бидермейера, позаботившись о бытии как зоне комфорта и уюта для всех, причём не только в материальном плане, что в дальнейшем, с 1988 г. на заседании комиссии Брундланд будет названо курс на «устойчивое развитие».

С точки зрения выбора ценностей, таких как спокойствие, умиротворённость, набожность, скромность, доброжелательность, субъект бидермейера принадлежал не столько к ограниченному обывательскому, сколько к традиционному патриархальному укладу. Духовность, в то время исторически присущая культуре немецкого народа, сформировала, по мысли Гегеля, его дух. И через дух народа будет говорить Абсолютный дух, как высшая ипостась, — отсюда идея «избранности», как крайнего проявления самосознания. Осевая традиционность культуры бидермейера базируется на тотальном интересе к наследию — эпосу, фольклору, сказкам, передающим обычаи, нравы и национальные особенности немецкого народа. В такой категории, как иерархичность, традиционность и в то же время обновляемость, изменчивость, хамелеоновский характер данного феномена предвосхищает демократический характер культуры, более характерный уже для второй половины XIX столетия: противостояние, а иногда и конфликт между уровнями высокое — низкое, аристократическое — мещанское, элитарное — народное в рамках бидермейера обладает не центростремительными, а центробежными свойствами на уровне бинарных оппозиций.

Трансляция ценностей как «сакральных» в эпоху, когда идеалы и реальность начинают вступать в стадию конфронтации под натиском

научно-технического прогресса, ещё позволяет сохранять устойчивость данному типу культуры, однако наблюдается некое «обмирщение», даже «обмещивание», сформировавшие бытийственные смыслы и воззрения филистера, блестяще описанные Гофманом. По словам А. Шопенгауэра: «человек, не имеющий вследствие — нормальной, впрочем, — ограниченности своих интеллектуальных сил, никаких духовных потребностей, называется филистером» [9]. Отсюда ещё одно утверждение Д. Сарабьянова о бидермейере, что он «не породил великих имён и произведений, но установил довольно высокий средний уровень художественного качества» [10. С. 30].

Хамелеоновский характер феномена культуры бидермейера мы наблюдаем и в таком аспекте, как субъект-объектные отношения. Согласно мысли Д. Сарабьянова, вещь и человек образуют знак равенства, словно не просто отражают и характеризуют друг друга, но и заменяют равноприсутствием в бытии, отсюда описание людей через их вещи. Например, у Н. В. Гоголя изображение пустых и чистых комнат в интерьерной живописи, даже если герои — представители аристократии и высшей знати, «их окружает бюргерский уют». Уподобление мотивов и смыслов в «объектах», подразумевающих определённые качества «субъекта» в современной культуре, становится всё более заметно, когда демонстрация статусных брендовых вещей в гардеробных, ювелирных украшениях или машин в гараже подменяет в массмедийном пространстве информацию о самом герое светской хроники. Общество потребления подменяет протагоровский принцип «Человек есть мера всех вещей» новым, зачастую материализованным смыслом — вещи тоже могут становиться мерой человека, что заявляет о смысловом присутствии бидермейера.

Философская составляющая феномена бидермейера содержится в системе научных принципов и обобщений, лежащих в основе гуманитарного знания, поскольку всё, что связано с человеком и его деятельностью, несмотря на узкую специфику различных наук, выходит из недр философии. У бидермейера она остаётся метафизической, близкой к кантовским трактовкам, где «*metaphysica naturalis*» говорит о том, что она укоренилась в природе человеческого разума, поэтому стала неотъемлемой частью культуры. «Хамелеоновский» характер субъекта проявляется в равноприсутствии разума, стремящегося постичь культурные универсалии, со-

единённые с чувственным опытом, как извечной привязки к материальному миру, поскольку обыватель-филистер твёрдо стоит на земле. Традиционный тип личности, который транслирует культура бидермейера, основан, по мысли Д. Сарабьянова, на философии Гёте. «Фаустовское толкование библейской истины — «вначале было слово» — подменяется на «вначале было дело» [10. С. 26]. Научно-технический прогресс, повлиявший на иерархию ценностных предпочтений, казалось бы, должен упразднить и вытеснить иные смыслы, порождённые идеальными ориентирами. Однако и здесь хамелеоновский характер культуры обнаруживает приверженность к классическим, традиционным, даже патриархальным моделям бытия, ценностным установкам, где мораль по-прежнему остаётся нравственным императивом, поднимаясь над уровнем нарастающих товарно-денежных отношений. Этому способствовала школа немецкой классической философии, особенно в лице И. Канта, Гегеля и Шеллинга, где суждения о духе и духовности, морали и нравственности, идеалах и добродетелях оставались глобальными смыслами существования нации и всего человечества. В начале XIX в. «французский метод» в эстетике по вполне понятным причинам вытеснился немецким. С кризисом просветительского сенсуализма всё больший авторитет приобретала «германская премудрость» [11. С. 14]. Феномен бидермейера транслирует нам стремление исправить дисгармонию мира, используя опыт культурной традиции: «Так что стоит сперва попытаться понять сам “дух” “девятнадцативековости”, его универсальную протестичность и мистическую буржуазность, его предопределяющую тягу к комфортности и самодостаточности, желание любоваться собой и совершенствоваться» [11. С. 11]. Русский философ Н. А. Бердяев, рассуждая о качествах культуры, подчёркивал, что она, приближаясь к переходу в цивилизацию, «становится всё более плоской, некрасивой, лишённой стиля», употребляя стилевое единство как эстетический критерий [11. С. 27]. Поэтому обращение к стилю также может считаться реализацией философско-культурологической проблематики как единства «формы и содержания». То, что бидермейер в культуре изучался как стиль — литературный, художественный, декоративно-прикладной, позволило синтезировать научное знание, перейти количественным категориям в качественные и увидеть философскую состав-

ляющую в его культуре в целом, использовать стилевые и смысловые характеристики для существенных определений всего феномена.

Этимология термина «бидермейер» как двусоставного, двусущностного, тоже раскрывает хамелеоновский характер — это субъект по фамилии Майер, (здесь присутствует некий личностный, частный оттенок) — и словосочетание «бравый господин» — Бидерман как объект данного типа культуры и сформированного ею социума. Он не является ярким индивидом, как романтический герой, но ещё не стал безличным коллективным хайдеггеровским субъектом, именуемым «das Man». Субъект бидермейера — человек толпы, из которой легко выделиться, но и легко в ней раствориться. Он транслятор и интерпретатор, осуществляющий движение от элитарного к массовому, поскольку бидермейер начинает стирать, нивелировать эстетические и жанровые градации, «смешивая “высокие” и “низкие” художественные формы, создавая прецедент эклектичности и всеядности, свойственные массовой культуре» [12. С. 23].

«Весь 19 век строил некую идеальную модель жизнеустройства» [8. С. 11]. При этом А. Шопенгауэр, отказавший миру в существовании объективной логики, обозначил тщету попыток субъекта его познать и классифицировать «в форме логичных и обоснованных законов» [13. С. 10], утверждая иррационализм как наиболее подходящий способ осмысления бытия. Хамелеоновский характер культуры бидермейера просматривается как в самом факте смешения стилей, так и в их корректировке, сообщающей данной устойчивой форме новые качества, на что указывает Д. С. Лихачёв: «Вторичность создаёт некоторый отрыв стиля от строгих идеологических систем, возможность для вторичного стиля обслуживать прямо противоположные идеологии — прогрессивные и реакционные, она связана с появлением иррационализма, ростом декоративных элементов, отчасти дроблением стиля — появлением в нём различных разновидностей» [14. С. 1].

По мысли М. Фуко, современная философская антропология стала прорывом, снимающим мёртвую форму, продвигаясь от критики к системе. Субъект-демиург, готовый — не меняющийся «и в феноменологии, и в экзистенциализме, и в структурализме» [11, с. 85] должен обладать «хамелеоновским характером», чтобы вписываться в данные философские системы. Трансляция бидермейера и в современное куль-

турное пространство, культурную ситуацию просматривается в концепции Г. Л. Тульчинского и М. Н. Эпштейна, считающих, что «постчеловеческая персонология» уже базируется на представлении, что человек постоянно меняет свою природу, «точнее, “природ” у человека много, человек всё более выходит за пределы своей биосферности. В силу этого назрел вопрос о новой системе знания, некоей новой “гуманологии”, которая в отличие от антропологии объёмлет разные виды и способы человеческого бытия» [15. С. 92]. Однако, на наш взгляд, в данном случае следует обратиться именно к классической немецкой философии, почти совпадающей по временным границам с бидермейером (1815–1848), поскольку её целостность и гармония между центрированными и центробежными характером служит особым, универсальным примером для развития культуры и социума.

Заключение

Исходя из данного исследования необходимо резюмировать, что феномен бидермейера содержит в себе множество смысловых и сущностных характеристик, затрагивающих как векторную динамику развития культуры, так и семантически знаковую её определённую. Зародившись после эпохи наполеоновских войн и став нарицательным, одновременно как мешанский и как приватный, преисполненный человечности и поэтики бытия, он не сходит с арены конкурирующих ценностных, системообразующих оснований культуры. Просуществовав и пережив два столетия, бидермейер набирает обороты, трансформируясь в новые смысловые и сущностно-содержательные структуры, так необходимые человеку в эпоху тревожности, нестабильности, хрупкости и иллюзорности бытия. Хамелеоновский характер является для данного феномена как адаптивным, так и сущностным качеством.

Список источников

1. Иванова Е. Р. Бидермейер: проблема стиля // Вестник ОГУ. 2006. № 9. Ч. 1. С. 167–173.
2. Михайлов А. В. Проблемы анализа перехода к реализму в литературе XIX века // Языки культуры. М. : Языки русской культуры, 1997.
3. Pongs M. Zur Burgerkultur im Biedermeier: Burgerklassik // Begriffshestimmung des literarischen Biedermeier. Darmstadt, 1974.
4. Аристотель. Никомахова Этика / пер. Н. В. Брагинской // Соч. : в 4 т. М. : Мысль, 1984. Т. 4.
5. Ванштейн О. Денди: мода, литература, стиль жизни. М. : Новое лит. обозрение, 2005. 640 с.
6. Сарабьянов Д. Бидермейер // Пинакотейка. 1998. № 4. С. 4–11.
7. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Мир философии : книга для чтения : в 2 ч. М. : Политиздат, 1991. С. 118–125.
8. Турчин В. Германия и мы. Время идеалов // Гармония и контрапункт: Россия — Германия. Живопись. XIX век : каталог. М. : Худож. и кн., 2003. 183 с.
9. Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости // Шопенгауэр А. Избранные произведения. М. : Просвещение, 1993.
10. Сарабьянов Д. На параллельных путях // Гармония и контрапункт: Россия — Германия. Живопись. XIX век : каталог. М. : Худож. и кн., 2003. 183 с.
11. Гумерова Г. А., Никифорова А. А. Н. А. Бердяев о кризисе российской культуры // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы : материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Т. I. Нижневартовск : Нижневартовский государственный университет, 2015. С. 26–29.
12. Михайлова Л. А. Традиционная этническая культура и дизайн : учебное пособие. Тюмень, 2013. 122 с.
13. История философии. Принципы и периодизация. М., 2015.
14. Лихачёв Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков. Избранные работы : в 3 т. Т. 1. Л. : Худож. лит., 1987.
15. Смирнов С. А. Современная антропология. Аналитический обзор. Человек. М. : Наука, 2003.
16. Тугаринов В. П. Природа, цивилизация, человек // Тугаринов В. П. Избранные философские труды. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 334 с.

References

1. Ivanova ER. Biedermeier: problema stilya [Biedermeier: the problem of style]. *Vestnik OSU*. 2006;(9):167-173. (In Russ.).

2. Mihajlov AV. Problemy` analiza perexoda k realizmu v literature XIX veka [Problems of analysis of the transition to realism in the literature of the 19th century]. In: Yazy`ki kul`tury` [Languages of Culture]. Moscow; 1997. (In Russ.).
3. Pongs M. Zur Burgerkultur im Biedermeier: Burgerklassik. In: Begriffshestimmung des literarischen Biedermeier. Darmstadt, 1974.
4. Aristotel`. Nikomaxova E`tika [Nicomachean Ethics]. Sochineniya v 4 tomah. Moscow, My`sl` Publ, 1984. Vol. 4. (In Russ.).
5. Vanshtejn O. Dendi: moda, literatura, stil` zhizni [Dandy: fashion, literature, lifestyle]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2005. 640 s. (In Russ.).
6. Sarab`yanov D.. Biedermeier. *Pinakoteka*. 1999;(4):4-11. (In Russ.).
7. Xajdegger M. Osnovny`e ponyatiya metafiziki [Basic concepts of metaphysics]. In: Mir filosofii: kniga dlya chteniya [World of Philosophy: a book for reading]. Moscow, Politizdat; 1991. Pp. 118–125 (In Russ.).
8. Turchin V. Germaniya i my. Vremya idealov. In: Garmoniya i kontrapunkt. Rossiya-Germaniya. Zhivopis`. 19 vek [Germany and us Ideal time. Harmony and counterpoint. Russia-Germany. Painting. 19th century]. Moscow, 2003. (In Russ.).
9. Shopengau`r A. Aforizmy` zhitejskoj mudrosti [Aphorisms of worldly wisdom]. Shopengau`r A. Izbranny`e proizvedeniya [Schopenhauer A. Selected works]. Moscow, Prosveshhenie; 1993. (In Russ.).
10. Sarab`yanov D. Na parallel`ny`h putyah. In: Garmoniya i kontrapunkt. Rossiya-Germaniya. Zhivopis`. 19 vek [Germany and us Ideal time. Harmony and counterpoint. Russia-Germany. Painting. 19th century]. Moscow, 2003. (In Russ.).
11. Gumerova GA, Nikiforova AA. NA Berdyaev o krizise rossijskoj kul`tury`. In: Culture, science, education: problems and prospects : materials of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference. Vol. I. Nizhnevartovsk, Nizhnevartovsk State University, 2015. Pp. 26–29. (In Russ.).
12. Mihajlova LA. Tradicionnaya e`tnicheskaya kul`tura i dizajn. Tyumen`, 2013. 122 p. (In Russ.).
13. Istoriya filosofii. Principy` i periodizaciya [History of philosophy. Principles and periodization]. Moscow, 2015. (In Russ.).
14. Lihachev DS. Razvitie russkoj literatury` X–XVII vekov [The development of Russian literature of the X–XVII centuries]. Izbranny`e raboty`: v 3 tomah. Tom 1. Leningrad; 1987. (In Russ.).
15. Smirnov SA. Sovremennaya antropologiya. Analiticheskij obzor. Chelovek [Modern Anthropology. Analytical review. Man]. Moscow, Nauka Publ., 2003. (In Russ.).
16. Tugarinov VP. Priroda, civilizaciya, chelovek [Nature, civilization, man]. In: Tugarinov VP. Izbranny`e filosofskie trudy` [Selected Philosophical Works]. Leningrad; 1988. 334 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Л. Н. Шабатура — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных наук и технологий.

О. Ю. Костко — искусствовед, доцент, профессор кафедры дизайна архитектурной среды.

Information about the authors

L. N. Shabatura — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Humanities and Technologies.

O. Yu. Costko — art historian, associate professor, professor of the Department of Architectural Environment Design.

Статья поступила в редакцию 05.06.2023; одобрена после рецензирования 08.06.2023; принята к публикации 12.06.2023.

The article was submitted 05.06.2023; approved after reviewing 08.06.2023; accepted for publication 12.06.2023.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.